

перед собой цель раскрыть для адресата предмет речи, убедить его в этом и тем самым побудить к определенному выводу.

Таким образом, бытовой дискурс, включающий аргументацию, играет важную роль в жизни людей, поскольку в процессе общения говорящий воздействует на сознание реципиента, при помощи слов-аргументаторов стремится, чтобы реципиент разделял его мнение, согласился с ним и в результате совершил определенное действие.

Литература

1. Карасик В.И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. – Волгоград: Перемена, 1998.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение: пер. с англ. // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI. – М., 1985.
3. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1977.
4. Граудина Л.К. Культура русской речи. – М.: НОРМА, 2000.
5. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. – М., 1979.
6. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., 2002.
7. Арутюнова Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения // *Прагматические аспекты изучения предложения и текста*. – Киев, 1983.
8. Ducort O. Les most du discourse. – Paris, 1980.
9. Clark R.A., Delia J.G. Topoi and rhetorical competence // *Quarterly Jorنال of Speech*. – 1979. – Vol. 65.
10. Есмерен Ф.Х., Гроотендорст Р. Аргументация. Коммуникация и ошибки: пер. с англ. – СПб.: Васильевский остров, 1992.
11. Калачинский А.В. Аргументация публицистического текста. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989.
12. Бокмельдер Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: дис. ...канд. филол. наук. – Иркутск, 2000.
13. Брутян Г.А. Аргументация. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984.
14. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирическое исследование в социальном контексте // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. – М.: Прогресс, 1987.
15. Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ. – М.: Прогресс, 1989.
16. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* – 1982. – Т. 41. – № 4.

Н.В. Виноградова

преподаватель русского языка Университета г. Чонжу (Южная Корея)
кандидат филологических наук, доцент

Русский компьютерный жаргон и проблема подязыков (структура, семантика и функции по отношению к литературному языку)

В результате анализа изменений в подязыках по отношению к литературному языку уточняется представление о современных процессах их взаимодействия. Данные о возникновении «компьютеризмов» и их проникновении в литературный язык дают убедительные аргументы в пользу повышения социального и коммуникативного статуса компьютерного жаргона как подсистемы русского языка.

N. Vinogradova

Russian Computer Jargon and the Problem of Sublanguages (Structure, Semantics and Functions due the Literary Language)

The paper describes and clears up structure, semantics and functions changes of different sublanguages especially the Russian computer jargon due to the literary language. The analysis of "computerere" neologisms appearance and invasion into the literary language proves that nowadays the social and communicative status of the Russian computer jargon raises.

В связи с отсутствием в стилистике единой непротиворечивой теории субстандартных языковых уровней, а также с появлением новых подходов к их изучению в условиях быстрых языковых изменений, которые наблюдаются в России последние два десятилетия, проблемы функционирования неcodифицированных подсистем национального языка (субстандартных языковых образований) актуальны для современного языкознания и представляют определенный теоретический интерес.

Целью настоящей работы является постановка проблемы подязыков по отношению к литературному языку в современный период развития русского языка. Объектом анализа служат изменения в их структуре, семантике и функциях по отношению к литературному языку и роль русского компьютерного жаргона в этих изменениях. Данные вопросы в статье рассматриваются в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знаний с привлечением социолингвистического подхода к рассмотрению материала (в работе используются понятия языковой ситуации, социально-коммуникативной системы, кодов и субкодов и др.). Анализ фактов интерференции и заимствования элементов компьютерного жаргона литературным языком помогает уточнить представление о современных процессах взаимодействия и взаимовлияния литературного языка и нелитературных подсистем языка в условиях их существования в одном социуме.

Взгляд на компьютерный жаргон с социолингвистической точки зрения очень продуктивен при условии переноса внимания с профессиональной природы этого подязыка на анализ его соотношения с другими подсистемами. Данная работа опирается на сведения, которые характеризуют его как макросоциолингвистическое явление, влияющее на языковые отношения и процессы, происходящие в современном русском языке. Рассматривая такие особенности современной языковой ситуации, как: а) существование языка в условиях информационной революции и последствий смены общественно-политического строя в России, б) ряд явлений, объединяемых общим названием «смягчение литературной нормы» (1), можно выявить реальное положение компьютерного жаргона в системе языка в целом.

Существует обширная литература, посвященная состоянию языка в поздний советский период (2). Опираясь на имеющиеся в данных исследованиях идеи, попробуем выделить главное, что помогает нашим рассуждениям. Примерно до середины 80-х годов языковой ситуации в России было присуще устойчивое равновесие. Языковое сознание было стабильным, построенным на четком осознании приоритета литературного языка и наличия языковых и речевых норм. Все, что выходило в печатном виде, в условиях жесткого партийного контроля над средствами массовой информации и цензуры в области литературы проверялось на соответствие не только идеологическим установкам, но и нормам русского литературного языка. У общества существовал эталон языка. Отметим в связи с этим, что пресловутая "слепая вера советских людей в печатное слово", возможно, держалась на наивном переносе: если правильно с точки зрения языка, то, значит, верно и по сути.

Речь образованных людей («говорит, как пишет») и книга (печатное слово) – в то время фактически одно и то же – были единственной моделью использования языка. Тексты на телевидении, в кино и в театре часто представляли собой озвученную письменную речь со всеми присущими ей особенностями. Национальный язык существовал в сознании говорящих в виде строгой иерархии с литературным языком (стандартом, идеалом) на ее высшем уровне и подчиненных ему разнообразных некодифицированных вариантов – диалектов и социолектов – на ее низших уровнях. Чем ближе к литературному языку был тот или иной подязык, тем выше было его место в этой иерархии.

Демократизация общества, снятие запретов на любые виды информации и способы ее передачи вывели языковую ситуацию из состояния покоя и из-под контроля государства. Поскольку «...изменения в обществе влияют на взаимоотношения подсистем, которые в совокупности составляют систему русского национального языка, на качественные и количественные характеристики каждой из этих подсистем» (3, с.64), новая языковая ситуация обозначила проблему переосмысления понятия «литературный язык» как кода на фоне активизации субкодов – социальных диалектов. Особенно активную роль в тот период стали играть просторечие как следствие «свободы слова» и воровской (криминальный) жаргон как следствие криминализации общества. С другой стороны, с потерей статуса «великой державы» и с утратой США как «врага номер один» Россия включилась в процессы глобализации. Русская лингвоэтнокультура начала испытывать сильнейшее влияние массовой американской культуры, что не могло не отразиться на языке.

Что же изменилось? Печатное слово вместило в себя непечатное. Американизмы заметно потеснили все прочие заимствования. Слово стало многообразным и многоликим, как сама жизнь, и, как сама жизнь, неправильным, случайным и шокирующим. Официальная речь конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. заполнилась вульгаризмами, в разговорной практике носителей русского языка стали частотными к месту и не к месту употребляемые слова – знаки американ-

ского образа жизни:

(1) *барбекю, девелопер, фейс-контроль, фитнес, менеджер, прайс-лист, супервайзер, экин* и пр. Сущность этих изменений удачно иллюстрируется текстом одиозной и тем не менее до сих пор живущей на российском телеэкране рекламы такой американской реалии, как шоколадный батончик «Snickers»:

(2) *Не тормози! Сникерсни!*

Здесь соседствуют вульгаризм* и двойное заимствование из английского языка – лексическое и грамматическое (употребление существительного в качестве глагола). В норме сфера употребления вульгаризмов ограничивается устным неофициальным общением, здесь же она расширена до официально тиражируемой телевизионной рекламы. Естественный в английском языке переход имени существительного в глагол для русского языкового сознания необычен, поэтому и фонетически, и грамматически окказионализм *Сникерсни!* чужд русскому языковому сознанию (на эту чуждость, маркированность, судя по всему, и рассчитывали создатели рекламы, ведь главное для них – привлечь внимание, любым способом «зацепить» потенциального покупателя). Носителя русского литературного языка старшего поколения считают такой язык рекламы неприемлемым и уродливым. А вот молодым носителям языка такая реклама нравится. И «Сникерсы» успешно продаются и любимы русскими детьми. Следует отметить, что успешность такого рекламного текста опирается на дополнительный мелиоративный смысл, возникающий в неологизме «Сникерсни!» и улавливаемый теми, чья ментальная установка приветствует новое в жизни и в языке. Действительно, ведь *Сникерсни!* – это не только «Попробуй «Сникерс!» или «Купи «Сникерс!»», – это еще и «Не бойся! Решись на поступок!», «Рискни! Не трусь!» и даже «Приобщись к новому! Стань как мы!».

Стихия живой устной речи, несомненно, обогатила скучный официоз «разрешенного» языка доперестроечной России. Однако свободное проникновение в сферу письменной речи и, следовательно, в сферу литературного языка ранее не свойственных ей элементов явилось причиной постепенного размывания межстилевых границ, а также границ между нормой и вариантом нормы, между «правильным» и «неправильным», между принятым и неприемлемым. В качестве примера приведем словосочетания, принятые в современной письменной речевой практике, но очень сомнительные (часто ошибочные) с точки зрения литературной нормы:

(3) *служба сервиса* (вариант: *сервисная служба*), *горячие хотдоги, оттянись со вкусом, вызовы современности, придает пышность для всех типов волос, снятие любых негативов, эффективный руководитель, жаркие скидки, еще пять причин очевидного выбора, интерьер ваших желаний, умные зубные пасты для взрослых* и т.п.).

В конце 80-х и в 90-х гг. XX в. проблема состояния языка получила в России широкий общественный резонанс. На страницах тогдашних печатных изданий помещается множество публикаций о русском языке, суть которых сводится к тому, что в советский период дело с языком обстояло не очень-то хорошо, но «сейчас» все еще хуже. Если попытаться кратко передать общий ход рассуждений, то получится примерно так: в советскую эпоху язык был бюрократизирован и зажат в тиски цензуры, к тому же он служил инструментом манипулирования сознанием и промывки мозгов. А в постсоветское время все люди как-то разом стали абсолютно безграмотны, не стало никаких правил или норм, так что впору говорить о «распаде» языка. Усиливает «порчу» «языковой колониализм» – неконтролируемая экспансия английского языка, в русский язык проникает американское просторечие, язык рекламы, индустрии развлечений и шоу-бизнеса, т.е. все низкое и развитию языка не способствующее.

Фиксируя данные изменения и выражая общую тревогу о языке, средства массовой информации России сами пережили сильнейшую эволюцию. От жесткой внешней цензуры, сформировавшей в конце концов в каждом журналисте «внутреннего цензора» («пропустят? не пропустят»), они эволюционировали к полному отказу от цензуры. Последнее было воспринято как отсутствие необходимости любого контроля над тем, что выходит из-под пера. Очень часто подсознательное стремление поскорее отказаться от коммунистического прошлого приводило к тому, что предпочтительным становился выбор таких способов изложения информации, кото-

* *Не тормози!* – *тормозить/затормозить* (жарг., гр.-просторечн.) – медлить, раздумывать, колебаться; ср. литер.: «Не раздумывай!»; *Сникерсни!* – ср. литер.: «Попробуй «Сникерс!» или «Купи «Сникерс!»).

рые были бы противоположны тем, которые господствовали в социалистическую эпоху. Так, если при социализме преобладал позитивный (часто также патетический) тон в изложении материала, то в постсоциалистическое время стал доминировать негативный (а также сниженный, иронический) тон. В социалистических статьях и репортажах господствовал оптимизм, соответственно, в новых публикациях стали наблюдаться прежде всего пессимизм, уныние, недоверие. Все это стало проявляться, конечно, и в лексических предпочтениях общества. Главное же, что за журналистом, как и за любым говорящим, было признано право на «свободу самовыражения» и право на выбор любых выразительных средств.

У специалистов-языковедов при озабоченности по поводу языковой ситуации того периода («...либо массовое косноязычие, либо языковая разнузданность» (4, с.198)) данное положение дел получило другую оценку. Оно чаще интерпретируется не как кризис языка, а как проблемы в области культуры речи, всегда сопровождающие этап языкового развития, характерной чертой которого являются резкие изменения. «Нет оснований тревожиться за судьбу русского языка или говорить о его «порче». О порче языка можно говорить только тогда, когда язык утрачивает свою функциональную состоятельность, когда нарушаются его функции (коммуникативная, информационная, номинативная, когнитивная, эстетическая и другие, менее важные) или когда останавливаются или деформируются обычные языковые процессы (семантический, номинативный, словообразовательный), чего нельзя сказать о современном русском языке» (5, с.54-55).

По нашему мнению, в панических настроениях общества по поводу состояния языка и тогда, и сейчас, во-первых, находит отражение объективный процесс перестройки отношений внутри языковой иерархии, который происходит под влиянием социально-политических изменений внутри страны и не может оставаться незамеченным языковым сообществом. Говорящие по-русски заметили, что идет быстрое обновление лексики и активизируются субстандартные языковые образования низкого регистра – просторечие (общий жаргон), жаргон «новых русских», подязыки криминальных групп и т.п. Во-вторых, на фоне общих для большинства лингвоэтнокультур процессов глобализации и информационной революции, инициированных изобретением компьютера и распространением Интернета, в языковой ситуации России происходят и другие осознаваемые языковым коллективом изменения, интенсивность и масштаб которых имеет беспрецедентный характер. Особый статус среди социально доминантных неcodифицированных языковых подсистем русского языка начал приобретать русский компьютерный жаргон, владение которым, хотя бы частичное, открывает путь к компьютеризированному миру новой России.

Постепенно говорящие по-русски начали чувствовать общее неблагополучие в сфере языковых знаний и умений. Появление большого количества новых слов, изменение семантики многих общеупотребительных слов, разрыв в речевых предпочтениях разных поколений говорящих («проблема отцов и детей» в языке), возникновение принципиально новых ситуаций общения порождает многочисленные примеры недоразумений и недоумений в сфере языка. Все чаще наблюдаются ситуации неполного или неадекватного общения, вызывающие неуверенность говорящих. Языковое сообщество обнаруживает себя в ситуации своего рода «неполной языковой компетенции»²².

В условиях стабильной языковой ситуации структура, семантика и функции подязыков в системе национального языка отражают их второстепенный характер и подчиненное положение по отношению к литературному языку. Обслуживая ограниченное число говорящих, имея ограниченную сферу употребления и тематически ограниченный словарь, каждый из них представляет собой уменьшенный, а с точки зрения носителя литературного языка, и в какой-то мере искаженный вариант литературного языка. Словообразовательные и сочетаемостные возможности единиц неcodифицированных подсистем языка ограничены, реестр возможных словосочетаний и синтаксических конструкций меньше, чем в литературном языке. Другой важной особенностью подязыков является то, что их существование ограничивается устной формой, в

²² См., например, непонятные для незнакомых с Интернетом носителей языка слова из популярной песни «...безнадега точка ру» (в данном случае причина непонимания – возникновение принципиально новых ситуаций общения и появление новых слов) или выражение «Коллекция обоев для рабочего стола» (здесь причина непонимания – изменение семантики общеупотребительных слов).

то время как литературный язык функционирует как в письменной, так и в устной форме.

Главной функцией некодифицированных разновидностей языка является обслуживание периферийных участков коммуникативного пространства. Это существенно ограничивает сферу их влияния на литературный язык. По отношению к литературному языку они выступают только в качестве гипотетического источника новых слов в случае социальной активизации какого-либо подязыка.

В исследованиях последнего периода постепенно изменяется тональность в описании этой области языка. Если раньше преобладающим было противопоставление литературного (правильного, «хорошего») и нелитературного (случайного, «плохого»), идущее еще от теории трех стилей М.В. Ломоносова, то в настоящее время подчеркивается, что некодифицированные языковые образования отличаются от кодифицированного «ядра» подвижностью и способностью изменяться в краткие по историческим меркам периоды. С жаргонами ассоциируется идея высокой продуктивности, способности оперативно отражать новые жизненные, политические, технологические изменения, а также способности наиболее эффективно воздействуя на собеседника.

В связи с проблематикой «тоталитарного» периода развития русского языка, подчеркивается, что жаргон – антипод торжественности и патетики. Ю.М. Скребнев под жаргоном понимает слова профессиональных и социальных групп, отличающиеся неформальным характером и являющиеся шутилой заменой слов, которые уже существуют в нейтральной сфере литературного языка. По его мнению, нейтральные слова рассматриваются создателями жаргона как слишком педантичные и даже высокопарные. Использование жаргона предполагает определенное непослушание в языковом поведении (6, с.66-72).

В лингвофилософском и лингвокультурологическом исследовании В.С. Елистратова, опирающегося на идеи М. Бахтина, содержится иной по сравнению с традиционным подход к употреблению термина «арго». В его представлении понятие арго как инварианта различных конкретных изменчивых и подвижных вариативных «языков» (жаргонов, сленгов, «социальных диалектов») подчинено более абстрактному пониманию арго как мировоззренческой системы. Следовательно, «арготизм» для В.С. Елистратова – это не только стилистически маркированная лексема или специфическое выражение, но и любой культурный феномен (от фонетической манеры произношения до таких невербальных средств, как жест или элемент одежды), относящийся к поэтике арго (7). Таким образом, этические критерии при обращении к некодифицированной сфере языка в последнее время уступают место другому научному инструментарию, учитывающему при анализе параметры коммуникативного поведения говорящих.

Как мы уже отмечали ранее, вслед за обществом в языковой ситуации России наступает период перемен и постепенно перестраиваются отношения внутри языковой иерархии. Одновременно происходит несколько очень важных процессов: традиционное соотношение литературного языка и некодифицированных подсистем языка изменяется, уменьшается расстояние между литературным языком и остальной частью национального языка, т.е. языковое сознание становится менее иерархичным, границы некодифицированных языковых подсистем становятся зыбкими и проницаемыми, возникает необходимость в корректировке самого понятия «литературный язык», становятся менее четкими межстилевые границы внутри него.

Обращает на себя внимание тот факт, что в настоящее время в русистике трансформируются представления о системе социолектов и диалектов в рамках национального русского языка. В современных лингвистических исследованиях эта проблематика активно обсуждается в связи с изменением понятия просторечия (8). Сформировалось мнение, согласно которому особенностью современного состояния языка является существование так называемого «общего жаргона» или «интержаргона» как такой языковой разновидности, которая объединяет многие черты различных некодифицированных подсистем. При описании этого фрагмента национального языка, прежде всего, обращается внимание на наличие стилистически сниженной, а нередко и уголовной и нецензурной лексики в его составе. Главной характеристикой общего жаргона считается его всеупотребительность: он активно используется в неофициальной обстановке всеми носителями языка. Это же дает возможность исследователям говорить о существовании «интержаргона» как некоторой ненормативной, противопоставленной литературному языку разновидности языка, реализующей себя в жаргонном дискурсе (9).

Вопрос, в каком соотношении находятся общий жаргон (интержаргон) и компьютерный

подязык, требует краткого комментария. Анализ лексического уровня компьютерного жаргона и общего жаргона не дает оснований для разделения этих явлений. Компьютерный жаргон имеет в своем составе многие элементы других нелитературных разновидностей языка, о чем свидетельствуют словарные этимологические пометы, например, глагол *глючить/заглючить* (плохо работать (о компьютере)) заимствован из жаргона наркоманов. Существительные: *чайник* (начинающий пользователь компьютера), *тачка, бандура* (компьютер), глагол *тормозить/затормозить* (уменьшать скорость работы, медлить (о компьютере)) пришли в компьютерный жаргон из профессионального жаргона автомобилистов. Возможно, этот переход произошел не прямо, а посредством «общего жаргона». В компьютерном жаргоне присутствуют лексемы, образованные по нелитературным моделям (*сервак* вм. «сервер»). Оба эти факта говорят о влиянии на этот подязык нелитературных языковых систем – общего жаргона и др. В этом плане компьютерный жаргон служит частным примером взаимодействия субстандартных языковых образований и взаимопроникновения их лексических единиц, что доказывает существование «общего жаргона». С другой стороны, компьютерный жаргон сам активно генерирует общеупотребительную и общепонятную лексику, он является источником новых слов для других языковых разновидностей, в том числе и литературного языка. Вкладом компьютерного жаргона в «общий» жаргон можно считать лексемы:

(4) *зависать/зависнуть* – 1) (о компьютере) прекращать реагировать на внешние воздействия (нажатие клавиш или кнопок мыши), 2) (о программе) переставать выполняться; *скачивать/скачать* что? откуда? куда? – переносить информацию с одного носителя, преимущественно из Сети, на другой; данная лексема, сама в свое время была заимствована компьютерным жаргоном из просторечия; *загружать/загрузить* что? куда? – перенести информацию на компьютер.

Данные единицы в семантически модифицированном виде пришли в сферу общего употребления, проникли в речевую практику носителей русского языка и в язык средств массовой информации, например:

(5) *Мы попали в сложную финансовую ситуацию, так что программа по строительству бань, увы, пока что зависла* («Московский комсомолец» 11 авг. 1999 г.); *Русский народ вот уже 80 лет качает права. Скачать удалось процентов десять* («Московский комсомолец» 17 авг. 2003 г.); *Загрузка произошла по полной программе, загрузили так, что не продохнуть*. (Из радиопередачи радиостанции «Эхо Москвы»).

Для разграничения компьютерного жаргона и «общего жаргона» лексический анализ оказывается нерезультативным. И это неслучайно: принципиальные различия лежат не на лексическом, а на синтаксическом и текстовом уровнях этих языковых образований. Они проявляются в форме существования компьютерного жаргона и в коммуникативном поведении его носителей (10).

Особенно интенсивно процесс размывания границ некодифицированных подсистем происходит в профессиональных подязыках. Сейчас практически любая профессиональная деятельность связана с использованием компьютеров, следовательно, компьютерный жаргон делится с ними своим словарным фондом, с необходимостью становясь составной частью любого профессионального языка. В этом состоит интегрирующая роль жаргона в лексической системе профессиональных языков.

Компьютеризация общества приводит к расширению взаимодействия человека и машины и вовлечению в него все большего числа участников. Повышается роль, которую играют электронные технологии как социальный фактор в формировании новой лингвистической нормы. Важно отметить, что это влияние осуществляется на общем фоне, связанном с кризисными явлениями в культуре. С информационным взрывом культура (и язык как ее часть), т.е. то, что до сих пор всегда было олицетворением и синонимом упорядоченного и известного, приобретает признаки чуждости и неосвоенности. При все более возрастающих объемах информации, все, что приносит с собой информационная революция, приводит к глубокому конфликту человека с информационной средой. Изобретение компьютера увеличивает скорость технического прогресса и обостряет его травмирующий человеческое сознание эффект. «Культурная судьба и смысловые ореолы информационных технологий сейчас едва ли не целиком определяются тем, что они пока остаются в статусе культурного шока. Они еще недоадаптированы культурой, не стали "естеством" в смысле незамечаемости, они воспринимаются как чу-

жеродное тело... В целом они помещаются в нишу "чужого", с самыми разными возможными смысловыми импликациями» (11). Неподвластным и неконтролируемым, а значит, враждебным становится и языковое пространство. Информационным технологиям, также наделяемым сознанием человека надтехническими смыслами, досталось в этом смысле особенно, потому что они развиваются неизмеримо быстрее, чем прочие виды техник.

Компьютерный жаргон в языковом сознании русских ассоциируется с «порчей» языка, многие «компьютерные» слова, по мнению языкового сообщества, засоряют речь, делают ее непонятной для большинства. С другой стороны, подязыку компьютерщиков в условиях «неполной языковой компетенции» языкового коллектива отводится особая роль, потому что владение им (или хотя бы знакомство с ним) престижно в социальном плане. Кроме того, оно связывается в сознании говорящих с возможностью преодоления этой неполноты. Языковое сознание людей переносит на этот подязык ожидание (и страх) перемен, и даже в какой-то мере мифологизирует его. Эта двойственность в отношении к компьютерному жаргону, его амбивалентный характер придает ему совершенно особый статус среди других некодифицированных языковых образований.

В результате анализа изменений в структуре, семантике и функциях подязыков по отношению к литературному языку уточняется представление о современных процессах взаимодействия данных языковых образований в условиях их существования в одном социуме. Рассматривая соотношение подязыков по отношению к литературному языку в современный период развития русского национального языка, можно сделать вывод, что за последние два десятилетия на смену национальному языку, структурированному в виде строгой иерархии литературного языка и подчиненных ему некодифицированных разновидностей языка, пришел национальный язык с постепенно теряющей строгую иерархичность структурой. Анализируя проявления интерференции различных субстандартных языковых разновидностей и литературного языка, а также заимствования элементов компьютерного подязыка литературным языком, можно заметить, что уменьшается расстояние между литературным языком и остальной частью национального языка, границы литературных стилей и некодифицированных языковых подсистем становятся зыбкими и проницаемыми.

Изучение социальных, культурных, временных и многих других параметров компьютерного жаргона, связанных с возникновением «компьютеризмов» и их проникновением в литературный язык, дает убедительные аргументы в пользу того, что по многим основаниям компьютерный жаргон выделяется из ряда профессиональных подязыков и других социолектов. Изменяется социальный и коммуникативный статус компьютерного жаргона как подсистемы русского языка. Преодолевая границы профессионального средства общения, он превращается в групповой, корпоративный жаргон с постоянно увеличивающимся числом носителей – всех пользователей компьютеров. Подязыку компьютерщиков в условиях «неполной языковой компетенции» целого языкового коллектива отводится особая роль, потому что владение им связывается в сознании говорящих с возможностью преодоления этой неполноты.

Литература

1. Норман Б.Ю. Грамматические инновации в русском языке, связанные с социальными процессами // Русистика. 1-2. – Берлин, 1998.
2. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — Екатеринбург, 2002; Вепрева И.Т. О языковой рефлексии на словесное обновление современной эпохи // Русский язык сегодня. 2: Активные языковые процессы конца XX века. – М.: Азбуковник, 2003; Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб., 1997; Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. – Мюнхен, 1994; Дуличенко А.Д. Этносоциоллингвистика «перестройки» в СССР: Антология запечатленного времени. – Мюнхен, Sagner, 1999; Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3; Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь речевых действий. – Екатеринбург; Пермь, 1995; Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. – Екатеринбург, 1999; Мокиенко В.М. Доминанты языковой смуты постсоветского периода // Русистика. – Берлин, 1998. – № 1-2; Найдич Л. След на песке. – СПб., 1995; Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне // Русский язык сегодня. 2: Активные языковые процессы конца XX века. – М.: «Азбуковник», 2003; Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. – Сеул: Корейская ассоциация славистов, 2001. – № 6; Скляревская Г.Н. Состояние современного русского языка: взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Т.1. – М., 1991;

- Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. — М., 1998 и др.
3. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. — Сеул: Корейская ассоциация славистов, 2000. — № 5.
  4. Склярская Г.Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. — Сеул, Корейская ассоциация славистов, 2001. — № 6.
  5. Склярская Г.Н. Состояние современного русского языка: взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Т.1. — М., 1991.
  6. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. — М., 2000.
  7. Елистратов В.С. Аргумент и культура. — М., 1995.
  8. Ерофеева Т.И. Социолект в стратификационном исполнении // Русский язык сегодня. Вып. 1: сб. статей / отв. ред. Л.П. Крысин. — М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2000; Ерофеева Е.В. Статус просторечия в современном русском языке // Русский язык сегодня. 2: Активные языковые процессы конца XX века. — М.: Азбуковник, 2003; Ерофеева Т.И. Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). — Свердловск, 1991; Земская Е.А., Розина И.О. О слове современного русского жаргона // Russistik. — 1994. — № 1-2; Трубина О.Б. К вопросу о маргинальном (жаргонном) дискурсе // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. — М., 2001; Трубина О.Б. Семантико-типологическая характеристика жаргонного дискурса (к постановке проблемы) // III междунар. науч. конф. «Язык и культура»: тез. докл. — М., 2005; Химик В.В. Современное русское просторечие как динамическая система // Русский язык: Исторические судьбы и современность: труды и материалы междунар. конгр. исследователей русского языка / под общ. ред. М.Н. Ремневой и А.А. Поликарпова. — М., 1998; Химик В.В. Поэтика Низкого, или Просторечье как культурный феномен. — СПб., 2000; Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. — М., 1998.
  9. Трубина О.Б. К вопросу о маргинальном (жаргонном) дискурсе // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. — М., 2001; Трубина О.Б. Семантико-типологическая характеристика жаргонного дискурса (к постановке проблемы) // III Междунар. науч. конф. «Язык и культура»: тез. докл. — М., 2005.
  10. Vinogradova N. Computer Jargon as a factor of language competence // VIII Междунар. конф. «Когнитивное моделирование в лингвистике». — Варна, 2005 [Электр. ресурс] — Режим доступа: <http://www.cml.misis.ru>, свободный; Виноградова Н.В. Контактостанавливающая функция компьютерного жаргона // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог 2006». — М.: Изд-во РГГУ, 2006.
  11. Балла О. Мифологическое мышление в эпоху информационных технологий. 2001 [Электр. ресурс] — Режим доступа: <http://www.Humans.ru/humans/105518>, свободный.

А.М. Литовкина

аспирант кафедры русского языка, методики и общего языкознания Иркутского государственного педагогического университета
г. Иркутск

Зарождение концепта онима *Сибирь* (на материале сибирских летописей XVII в.)

В статье представлен фрагмент русской языковой картины мира начала XVII в. — зарождение культурного концепта *Сибирь*, связанное с историческим процессом присоединения Сибири к России. На материале сибирских летописей рассматриваются понятийный, образный и ценностный компоненты семантики концепта *Сибирь*.

A. Litovkina

Concept of Siberia originating (on the ground of Siberian annals of the XVII-th century)

The fragment of the Russian language world picture of the beginning of the XVII-th century is presented in this article. It was the time of cultural concept of Siberia originating connected with the historical process of Siberia joining up with Russia. Meaning, image and valuable components of Siberia concept's meaning are looked through on the ground of Siberian annals.

Вопросы семантики имени собственного долгое время вызывали в отечественной ономастике множество споров. В настоящей статье мы не будем вступать в дискуссию о семантических и концептуальных свойствах онимов (собственных имен). Мы придерживаемся мнения, что онимы, в частности топонимы, как и нарицательные существительные, могут являться семантическим источником концепта и стать его названием. Интересный вариант моделирования семантики онима предложен М.В. Голомидовой и обозначен ею как разработка концепта имени собственного. Под концептуальностью имени автор понимает совокупный объем пред-